



Дверь открывается в обе стороны

18+

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов
Дверь открывается
в обе стороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482836

SelfPub; 2023

Аннотация

Если работягу застрелили в запертой изнутри квартире, да еще пуля пролетела куда больше, чем размер самой квартиры, то тянет сказать: “Тут не обошлось без призраков”. Но всякий знает, что нет никаких призраков. Есть только дверь! И она всегда открывается в обе стороны.

Алексей Игнатов

Дверь открывается в обе стороны

Чем скучнее жизнь, тем сильнее хочется верить в чудеса, тем интереснее кажутся рассказы про заброшенные дома и склепы, полные привидений. Поставьте стакан пива пьянице в баре у вокзала, и он расскажет вам много таких историй, и каждая будет заканчиваться словами: «Тут уж как пить не обошлось без призраков!».

Спросите его о странных убийствах, и он расскажет еще одну байку, и уверит вас, что все дело в призраках. Если какого-то складского работягу застрелили в квартире, дверь которой заперта изнутри на засов, а убившая его пуля пролетела куда большее расстояние, чем размер самой квартиры, то самое время сказать: «Тут не обошлось без призраков!». Но каждый знает, что призраков не существует. Все дело в двери! Каждая дверь открывается в обе стороны, и никому не стоит забывать об этом.

Джофарай Бурхан не интересовался историями о привидениях. Его мысли занимали вещи простые и практичные – деньги, выпивка, злость на весь мир. Особенно на тех, кто коверкал его имя! Происхождение имени и сам он не мог

объяснить, а своих родителей никогда не встречал, так что спросить, о чем они думали, выбирая имечко, он тоже не мог.

В сиротском приюте, очень давно, юный Джофарай всегда бил первым, без колебаний и не думал о последствиях. Тогда любой, кто называл его Джефрай или Джофай рисковал получить синяк под глазом. Но взрослая жизнь сложнее устроена, и когда драка кончается арестом, а то и потерей очередной работы, приходится учиться сдерживать свои инстинкты, так что его босс, Рафаэль Эдмон Лясен Маркеза, свой синяк так и не получил. Маркеза называл его Джофраем, Джефом или Джофаром, словно нарочно издевался над странным именем, но пока он платил зарплату владельцу имени, тот предпочитал ошибку не исправлять.

После пары рюмок, когда в нем просыпался оратор, говорящий в пустой квартире с самим собой и с предметами мебели, Джофарай мог высказать все, что накопело на душе, и даже вслух обозвать Маркезу уродом! Но только в одиночестве, в своей квартире размером со спичечный коробок, где его услышать его могли разве что бутылка и стул.

Рафаэль Маркеза владел большим складом на окраине. Одни поезда привозили коробки и ящики, другие поезда увозили, а Джофарай расставлял их на полках и ненавидел склад всей душой, но работа приносила деньги. И была, разумеется, лишь временной! Придет момент, откроется дверь в лучшую жизнь, и он не упустит шанс, он возьмет свое! Но

пока двери в прекрасное будущее оставались крепко закрытыми, и брать приходилось не свое, а чужое, то, что стояло на полках склада.

Там или здесь, иногда, с этих полок пропадала коробка. Джофарай открывал ее дома. Что окажется внутри? Что-то ценное, как один из тех золотых подсвечников, которые он ни разу не находил? Или что-то никчемное, как странный набор из 23 непарных носков разного цвета? Их Джофарай сохранил, в надежде найти на них покупателя с одной ногой, а до тех пор прятал в носках деньги и патроны для ружья.

Заработать на кражах получилось не часто, но бросать свое ремесло Джофарай не собирался. С годами он отточил мастерство обнаружения коробок, которых никто не хватится. Дешевые посылки без страховки, отправленные из одной далекой страны в другую, давали отличный шанс, что их владельцы не станут разыскивать воров на другом конце света. А если и станут, за все придется платить владельцу склада, и поделом ему! Склад отвечает за свои товары, и Джофарай искренне радовался, воображая, как Маркеза кривится от злости, выкладывая деньги за очередную пропавшую коробку. Такой расклад его вполне устраивал, поэтому он никогда не поправлял босса, коверкающего имя, всегда был с ним вежлив, услужлив и воровал все, что мог унести.

Так он и нашел свою коробку.

Груз, отправленный из Тибета в Северную Тамибию, без страховки и отметок о срочной доставке. Джофарай не слы-

хал о Тамибии, северная она или южная, но название навело мысли о далекой стране в Африке, полной песка и верблюдов. Оттуда никто не поедет в Артиаполис, выяснять, что случилось с его грузом. Коробка небольшая, но увесистая. Внутри наверняка что-то металлическое! Может быть, статуя Будды? Старинный молитвенный барабан? Набор четок?

– Хватит ее щупать, это тебе не баба! Ставь на место! – взревел над его ухом бригадир Виктор, здоровяк с отвратительно тихой походкой и привычкой подкрадываться со спины. Джофарай поспешно сунул коробку на полку и обернулся, натягивая на лицо покорную улыбку.

– Я тут почти закончил, и...

– Не надо мне твоих «почти»! Пихай коробку на место и двигай в сектор 44-А, там полный завал с грузом канцтоваров, и они сами себя не разгрузят.

Так он и поступил, потому как спорить и возражать – себе дороже. Коробка никуда не денется, и уже вечером будет стоять у него дома. Что там, статуя Будды? Молитвенный барабан? Золотой подсвечник?

– Нет, ты не подсвечник! Ты миска какая-то, – разочарованно пробубнил Джофарай, когда коробка обрела новый дом у него на столе. Ее было не просто вынести со склада, Виктор не сводил глаз с рабочих, да распаковка заняла уйму времени. Груз обмотали мягкой тканью так, словно внутри что-то очень ценное и хрупкое. Но внутри ткани Джофарай

нашел миску. Миска? Тибет... Нет, не миска, а поющая чаша, с которыми медитируют всякий чудаки, вот что это!

Хотя чаши, которые Джофарай видел в программах про путешествия, были скорее бронзовыми, а эта походила на свинцовую. Он отхлебнул глоточек крепкого, поднял карандаш с заваленного хламом ствола, и провел по краю чаши. Поющая чаша должна петь, но эта издала только глухое бульканье. Еще несколько попыток ничего не изменили. Петь чаша не желала.

– Наверное, придурки в этой вашей Тамибии не знают, что поющая чаша должна петь, вот и им шлют бракованные! – Джофарай отхлебнул еще глоток. И что теперь? Кто заплатит за поющую чашу, если она не умеет петь? Это уже наглость, вот так всучить ему бракованный товар! Он этого так не оставит, и завтра же заставит какого-нибудь болвана раскошелиться.

Утром он позвонил Виктору, объявил, что болен, берет выходной, отработает за него две дополнительные смены, а сегодня ему нужно в больницу, и повесил трубку до того, как получил отказ. Половины дня хватило, что бы понять, что непоющая чаша не нужна никому. Металл не был серебром, и скупщик в ломбарде отказался даже оценить чашу. Сотрудники городского музея объявили ее сувениром для туристов и грубо выставили Джофарая за дверь. Антиквар высмеял его и посоветовал сначала научиться делать подделки, а уже потом пытаться их продавать.

Джофарай разглядывал чашу, пил, и страдал от осознания несправедливости мира. Он рисковал своей шкурой, когда воровал чашу, а вместо заслуженной награды заработал только две лишние смены на складе. Может продать ее под видом тибетской миски для супа или пепельницы?

– Что мне с тобой делать? – спросил он чашу. Чаша не отвечала. – Будешь пепельницей, раз петь не умеешь! – он поднял стакан и чокнулся с чашей, как с собутыльником.

И услышал звон.

Он растекался по комнате, чистый, пронзительный, наполнял крохотную комнату и становился все громче. Чаша вибрировала на столе, а вместе с ней дрожала бутылка, сам стол и все, что могло дрожать. Джофарай уронил стакан, схватил чашу, пытаясь заглушить звук, и увидел то, что появилось внутри.

Дно чаши колебалось и шло волнами, как вода на сильном ветру, и сквозь него проступало что-то размытое, смутно похожее на далекую фигуру человека. Джофарай оттолкнул чашу и отпрыгнул в сторону. Звон утих. Очень осторожно он подкрался к столу и заглянул внутрь – дно не двигалось. Кончиком карандаша ткнул в дно чаши. Дно как дно. Обычное.

Он плеснул в стакан новую порцию, подумал немного, и отставил его в сторону. Отодвинул подальше. Придвинул снова. Возможно, стоит бросать пить? Вот только этого еще не хватало!

– Да к черту все! – он выпил до дна, и решительно ударил

по чаше еще раз.

В этот раз звон не был таким уж громким. Дно чаши снова заколебалось и походило теперь на маленькое озеро, и в его глубине Джофарай снова увидел смутные образы. Они становились отчетливее, ярче, в чаше проступили контуры домов, улица, замощенная старомодными булыжникам, фигура человека. Мужчина в черном плаще шагал куда-то и тащил за собой чемодан на колесиках. Джофарай не видел его лица, он смотрел в спину, словно оказался в метрах в шести позади прохожего и плавно скользил вслед за ним. Он отшатнулся и видение погасло. Дно чаши закрылось.

– Ты не чаша. Ты окно! – сказал он обвинительным тоном. Чаша не возражала. – Ты окно! И в тебя видно всякое, как хрустальный шар у гадалок. Или я спятил, и пора уже бросать пить.

Мысль о трезвости не порадовала. Стоит убедиться, что он не спятил.

– Ладно, чаша или кто ты там есть, покажи мне то, что я смогу проверить! – Чаша не реагировала. Пожалуй, стоит уточнить, кого он хочет видеть. Видеть и точно знать, что это не иллюзия, а настоящий человек! Джофарай поднял стакан:

– Покажи мне меня! – и ударил стаканом по чаше.

Новый удар призвал новую волну звона, который теперь уже совсем не казался пугающим, а в чаше сразу же раскрылось видение. Он увидел знакомую комнату и затылок человека, сидящего за столом. Свой затылок. Он провел рукой

по волосам, и фигура в чаше повторила его жест. Помахал рукой – и фигура помахала в ответ. Он коснулся дна чаши кончиком карандаша. Дна не было. Он отпустил карандаш, тот провалился в пустоту, и что-то сразу же тихо ударилось об пол в другом конце комнаты. Джофарай оглянулся – карандаш лежал в углу, у него за спиной. Когда происходящее становится слишком странным, человек перестает удивляться и просто принимает все как сон наяву. Чаша изумит его, восхитит и напугает, но все это потом, а пока он сказал только: «Ты не окно. Ты дверь!», и этим ограничился.

Он отхлебнул глоток прямо из бутылки и прошелся по комнате. Чаша – дверь. Через нее можно отправить что-то в другое место. И это «что-то» попадет туда сразу и без всяких дурацких таможенных досмотров, в обход пограничной службы. Любой контрабандист душу продаст за такую возможность! Чаша – очень ценная штука. А тех, кто ворует ценные штуки, обычно ищут злобные люди с оружием. Чашу будут искать. И кто знает, вдруг искать ее будут люди с такими же чашами, и прямо сейчас они уже смотрят на него? Они подглядывают за ним и смеются! Они знают, где он и придут за ним!

А кто это – «они»? Джофарай ухватился за эту мысль – кто «они» такие? Если понять, кто они, то будет ясно, чего от него стоит ждать. Кому предназначалась чаша? Он ударил по чаше, и заглянул внутрь. Ничего!

– Покажи мне того, кому тебя отправили! – потребовал

он, и новый звон разнесся по комнате, но чаша осталась пустой.

Сломалась? Сели батарейки? В волшебных чашах вообще есть батарейки? Джофарай откупорил новую бутылку, и еще пара добрых глотков крепкого сделали свое дело, голова прояснилась и начала думать в полную силу. Он хотел увидеть себя, и увидел. Но в первый раз он не хотел кого-то видеть, и увидел незнакомца. Что если снова ударить чашу без цели?

Удар, звон, чаша открылась и явила образ ребенка, старательно рисующего фломастером домик на явно дорогих обоях. Джофарай мысленно передал привет его родителям, и чаша закрылась. Он хлебнул еще крепкого, и заговорил вслух:

– Ладно! Давай уже, думай. Если не хочешь увидеть кого-то, увидишь кого попало. А если хочешь увидеть кого-то – увидишь, кого хотел. Почему я не вижу того, кто должен был заграбастать чашу? Потому что я его не знаю! Видишь, кого хочешь увидеть, если знаешь, кого хочешь увидеть. Так?

– Так, – ответил он сам себе и вознаградил успешное расследование еще одним глоточком.

– А кто может сейчас искать чашу? Король придурков, Рафаэль Маркеза! Значит, я хочу его увидеть!

Чаша открыла видение без всяких капризов, показав место, от которого Джофарай старался держаться как можно дальше – личный кабинет Маркезы. Маркеза говорил по телефону:

– Да... Да, разуме... Разумеется, все в порядке, груз на месте, никаких проблем. – Маркеза чуть дрожащей ладонью вытер пот со лба.

– Коробка прибудет в срок. Нет... Завтра – не срок! Срок через четыре дня. Четыре... Потому что я лучше знаю как вести свои дела! – рявкнул он, но тут же снова поменял тон. – Нет, нет, я же не спорю.... Не надо говорить мне о последствиях! Конечно, я знаю кто ждет коробку! Я... Алло? Алло? – Маркеза отшвырнул телефон и вышел, а Джофарай отодвинул чашу.

Маркеза в беде, и до смерти боится хозяина коробки, а ее хозяин явно не ищет вора через свою чашу. Да у него наверняка и нет свой чаши, а если и есть, он не сможет увидеть вора, если не знает, кто вор! Поэтому у вора есть отличный шанс остаться непопманным, а у Маркезы теперь будут большие проблемы.

Это порадовало, да и почти опустевшая бутылка помогала успокоить нервы. День стал приятнее, но можно сделать его еще лучше. Есть кое-что в мире, что манит даже больше, чем деньги и спиртное! Красотка Нэнси, живущая двумя этажами ниже, всегда вежливо здоровалась в ответ на приветствие Джофарая, но ни разу не дала ему шанс завязать разговор, пригласить ее в бар или напроситься в гости. Чем она занята сейчас?

Джофарай склонился над чашей, и та опять наполнилась туманом. Туманом? Нет, скорее паром! Он смотрел сквозь

наполненную паром ванную. Нэнси стояла под струями душа, стекающими по ее телу, такому желанному и всегда такому недоступному, даже для взгляда – до этого момента.

– Нэнси! – тихонько позвал Джофарай.

Она рассеянно оглянулась, открывая взгляду свое прекрасное тело, улыбнулась, убрала мокрую прядь волос с лица. И заорала, что было сил. Джофарай отскочил от чаши, опрокинул стул и разлил выпивку. Крик оборвался, и он осторожно заглянул внутрь чаши. Видение пропало. Но она его видела!

Эта чаша – дверь. И если Нэнси видела его, то эта дверь открывается в обе стороны, и можно пройти не только туда, но и обратно. И тогда можно не только отправить карандаш на ту сторону, но и взять себе что-то с той стороны. Деньги, драгоценности, золотые часы... Все, что пройдет по размеру. Увидеть хранилище банка, просунуть руку в чашу и собрать урожай из золотых слитков, что может быть прекраснее?

Остаток дня и вся ночь прошли в неустанной работе. Он трудился и ставил эксперименты с упорством, достойным ученого, претендующего на Нобелевскую премию. Чаша звенела и затихала, рюмка пустела и наполнялась. Джофарай громко проклинал чашу, ее создателя, Тибет, Тамибию и весь мир, а соседи стучали в стену и проклинали его, требуя заткнуться и дать поспать.

Тишина пришла на рассвете. Джофарай лежал в постели с пустой бутылкой в руке.

За эту ночь он заработал опьянение, недосыпание, красные глаза и еще больший запас ненависти ко всему миру, чем обычно. И не заработал денег, драгоценностей и золотых часов. Не заработал и простого утешения – ночью он еще раз заглянул домой к Нэнси, в надежде увидеть в ее спальне что-то интересное, но та просто спала, замотанная в одеяло, и сильно храпела.

Чаша показывала людей, случайных, или тех, кого он мог назвать, как назвал этой ночью Маркезу, парочку актрис, президента и Римского Папу. Любого человека он видел сзади, метров с пяти-шести, даже если тот стоял в телефонной будке, которая гораздо меньше по размеру. Но чаша показывала людей, а не места. Увидеть банковское хранилище, доверху набитое деньгами, он так и не смог. Полки с золотыми слитками? Об этом можно забыть! Любое место он мог увидеть, только если там находился нужный ему человек.

С мечтой заглянуть ночью в пустой ювелирный магазин на другом конце планеты, просунуть руку в чашу и опустошить витрины, пришлось проститься. Джофарай пробовал опустить в чашу палец, а потом просунул и всю руку, но не смог дотянуться до чего-то ценного на другой стороне. Ценное должно случайно оказаться в нужном месте, позади человека, которого он увидел, но такого ни разу не случилось.

К тому же люди на той стороне видели его, как видела Нэнси, и так же поднимали крик. А когда начинался крик, он пугался, терял контроль и чаша порой неожиданно закры-

валась. А если он не успеет вытащить руку, и она останется то ту сторону чаши? Картину культи, разливающей кровь по столу, пришлось смывать из воображения еще парой лишних глотков. Что дальше?

– Да, что дальше? – спросил он сам себя. И сам себе ответил:

– Дальше Маркеза будет искать чашу, вот что дальше.

Джофарай взглянул на часы. Склад уже два часа как открыт. Маркеза уже ищет чашу! Он начнет расспросы, выяснит, кто грузил коробку и захочет поговорить с этим человеком. И тогда узнает, что он перестал выходить на работу сразу после кражи коробки. Лучшая стратегия вора – делать вид, что ничего не случилось и вести себя как обычно, а его уже второй день нет на рабочем месте, как будто он украл чашу и сбежал с ней.

Джофарай рывком сел на кровати. Они придут за ним! Не найдут его на работе, и придут прямо к нему домой. И тогда он точно узнает, что будет, если сунуть руку в открытую чашу, а потом закрыть ее! Отличный способ избавиться трупа – порубить на куски и бросить в чашу. Кто-то в Тамибии соберет их, зароет в пустыне, и никто не узнает, что случилось с грузчиком, пропавшим в Артиаполисе!

От испуга он почти протрезвел, и от этого стало еще хуже. Его убьют! Чаша – дверь, но что ему толку от двери, через которую нельзя пройти, в которую нельзя сбежать? Что делать с идиотской чашей, которая только и может, что пока-

зывать чужие затылки?

Он отхлебнул еще, и представил себе эту картину: плешивый затылок Рафаэля Маркезы, стоящего в шести метрах перед ним. Сразу нашелся ответ. Затылок – разве это не отличная мишень для одного меткого выстрела? Хозяева чаши не знают о нем. Знают только Маркеза, который сидит целыми днями в своем кабинете, и Виктор, в рабочее время не покидающий склад, полный картонный коробок. А если на что-то картон и годится, так это на роль растопки для костра. Так пусть костер горит!

Из дома Джофарай вышел в отличном настроении. Он прошелся по улице, купил спички, металлический ковш, бутылку керосина, и еще одну бутылку, поинтереснее, для себя, поскольку домашние запасы закончились. По пути он был весел и вежлив, дружелюбно поговорил с соседом и даже извинился за вчерашний шум. Всем довольный, вежливый и даже извинившийся без принуждения – такое сосед точно запомнит! И обеспечит отличное алиби на время пожара.

Он уже видел весь план в своей голове, каждый его шаг. Налить керосин в ковш. Выпить крепкого. Поджечь керосин, пожелать увидеть Виктора и ударить по чаше. Выпить еще. А дальше будет легко, что тут может пойти не так? Нужно просто плеснуть огонь в чашу, и тогда – прощай склад, прощай, Виктор!

Чаша открылась, и Джофарай осторожно вылил в нее го-

рящий керосин. Струйка пламени растеклась по складу, пробежалась под стеллажами. Огонь обнял коробки и Джофарай ощутил тонкий аромат горящей бумаги. Он отвернулся от чаши и дал двери закрыться. Прямо сейчас пожар разгорается, но его там и близко не было! И соседи это подтвердят, если кто-то решит спросить.

Осталось самое главное – Маркеза. У этого придурка не должно быть никаких шансов, и покончить с ним придется лично. Много лет Джофарай хранил ружье, на случай, если кто-то решил вломиться в его дом, или если он сам решит вломиться к кому-то. Дробь нельзя опознать, а на склад он даже не заходил, так что на него ничто не укажет. Никаких улик, никаких отпечатков пальцев, никаких свидетелей! Идеальное убийство.

С одной только крохотной проблемой – ему еще не доводилось стрелять. Он держал дешевую охотничью двустволку под кроватью, прятал патроны в ящике с непарными носками, но пока даже ни разу не заряжал ружье. Пришла пора это исправить!

Еще пара добрых глотков крепкого помогли сосредоточиться. Чуть трясущимися руками Джофарай вставил два патрона в стволы, сунул еще два в карман. Прицелился в стоящую на столе чашу. Нет, так не получится, слишком высоко! Поставил чашу на пол между ног – вот теперь годится. Можно просто выстелить в нее, вниз, и выстрел попадет в затылок Маркезы.

Он прицелился в чашу и обнаружил, что руки подрагивают. Пришлось отложить ружье, и пропустить еще пару глотков, но проверенное средство не помогало. Он взял ружье. Положил его обратно. Вытер покрытые потом ладони о штаны, снова взял двустволку и прицелился в чашу. Кажется, прострелить чью-то голову первый раз в жизни может быть не так просто и весело, как казалось!

Нужно вспомнить, почему он должен так поступить. Вспомнить, что Маркеза выдаст его и отправить на смерть. Вспомнить все сверхурочные смены без оплаты, все урезанные премии. Вспомнить как он орал, когда терялись коробки, как коверкал имя, превращал его в Джефри или Джофая! Да, это то, что нужно – он коверкал имя, называл его Джефри! Знакомая с детства злость напомнила разум, и Джофарай ударил стволом по краю чаши.

– Я Джофарай, понятно? – пробормотал он. – Я Джофарай, а не какой-то там Джефри! Маркеза, урод, запомни уже как меня зовут!

Чаша открылась. Маркеза сидел в кресле, в своем кабинете, был там один, а лучшего и желать нельзя. Джофарай прицелился, но руки все еще дрожали. Ствол бился о края чаши, заставляя ее позвякивать, звон просочился в кабинет на той стороне, Маркеза рассеяно оглянулся, и замер, рассматривая дыру в воздухе.

Дыра висел перед ним, как край трубы длиной в несколько метров. На другом ее конце мелькали размытые челове-

ческие ноги, уходящие вдаль, и перекошенное лицо, которое проступало еще дальше. Лицо он узнал.

– Джорфаус? А ты... Ты это как это?..

– Я Джофарай, слышишь ты, урод! – заорало лицо, – Джофарай, понятно! Джофарай!

Что есть силы он рванул спуск, ружье дернулось в сторону, и первый выстрел попал в стену над головой Маркезы. Отдача отшвырнула стволы еще дальше, и второй залп пробил пол рядом с чашей и начисто снес три пальца на ноге самого стрелка. Джофарай рухнул на пол. Он визжал и стонал, и лупил кулаком по полу, а соседи опять начали стучать в стену. Кто-то наверняка вызовет полицию, так что нужно встать и закончить дело, как можно быстрее.

Джофарай поднялся, все еще подвывая от боли, прикончил бутылку в несколько глотков, и поднял ружье. Нужны патроны! Он шарил в правом кармане, ничего там не находил и проклинал тех изобрел карманы, пока не вспомнил, что патроны лежат в левом.

Вот они! Он нащупал патроны, переломил ружье. Если бы только еще и получилось засунуть их в стволы потными трясущимися пальцами! Патрон выскользнул из рук и угодил в чашу, вместе с отпечатками пальцев на нем. На радость полиции он отправился прямо на место будущего убийства, но думать об этом сейчас Джофарай не собирался. Он все же сумел вогнать в ствол последний патрон. Можно стрелять! Если Маркеза еще не сбежал, и чаша еще не закрылась.

Он заглянул в чашу. Чаша все еще не закрылась и Маркеза все еще не сбежал. Он сидел за своим столом и держал в руке пистолет. Когда в дыре снова появилось размытое вопящее лицо, он тщательно прицелился, и его руки не тряслись.

Поставьте стаканчик пьянице в баре у вокзала, и тот расскажет, как в запертом доме человека убили с расстояния метров в пять, а то и все десять, хотя в комнате даже не было столько места, так что тут точно не обошлось без привидений.

Полиции пришлось выламывать запертую на засов дверь, что бы найти внутри тело хозяина квартиры, убитого одной пулей, которая, похоже, прилетела снизу, прошла сквозь пол, и не оставила в нем следов. Следователь записал имя жертвы как Джефай Бурхан, собрал показания соседей, а потом убрал дело в самый дальний угол, какой смог найти и постарался забыть о нем.

В глубине души, он не стал бы спорить с пьяницей, уверяющим, что все дело в привидениях. Но всякий знает, что привидений не существует. Все дело в двери! Любая дверь всегда открывается в обе стороны, и если ты можешь выстрелить в кого-то сквозь дверь, то и он может выстрелить в ответ.